

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЛЕСНЫХ ПРОМЫСЛОВ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО (РУССКИЕ, КОМИ) НАСЕЛЕНИЯ ОБДОРСКОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

С.В. Туров

Исследуются опыт природопользования и природоведческие знания старожильского населения (русские, коми) населения Обдорского края во второй половине XIX — первой трети XX в.; взаимодействие природной среды и добывающих отраслей традиционной хозяйственной структуры региона, а также результаты этого взаимодействия для ландшафтно-рельефных систем и биоценозов.

Старожилы (русские, коми), объекты охотничьего промысла, охотничьи угодья, способы охоты, природоведческие знания, заготовка древесины, собирательство, изменения природной среды.

Данная работа посвящена изучению исторического опыта природопользования и природоведческих знаний старожильского (русские, коми) населения Обдорского края (Ямало-Ненецкий автономный округ). Природопользование и природоведческие знания — это комплекс навыков, умений и наблюдений по использованию в традиционном хозяйстве природных ресурсов и адаптации к природным условиям. Другая сторона этой проблемы — воздействие традиционной хозяйственной структуры на геосреду и его последствия. Выбор объекта исследования обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что Обдорский край представляет собой специфический в природном отношении регион (Север), здесь сложилась достаточно оригинальная локальная традиция природопользования. Как справедливо замечает по этому поводу В.И. Козлов, «что касается крупных этносов, то рассматривать каждый из них в целом, как таксономическую единицу экологических исследований явно нецелесообразно. При экологическом анализе они распадаются на ряд популяционных, культурно-бытовых, региональных и других субэтнических групп» [1994, с. 63–64].

Старожилы (русские и коми) на Нижней Оби во второй половине XIX — первой трети XX в. проживали в основном в следующих населенных пунктах: Обдорск (Салехард), Мужы, Кушеват, Лабитнанги, Аксарка и Нори. Главным объектом охотничьего промысла старожилов Обдории в таежной местности был пушной зверь. Однако уже в XVII в. сказались результаты перепромысла соболя, популяция его была подорвана [Павлов, 1973, с. 24–32]. В XVIII–XIX вв. ценного пушного зверя становится еще меньше [Туров, 1996, с. 25–26]. К этому времени охотники все больше внимания уделяют лисице, песцу, выдре, горностаю, белке и даже колонку, медведю и росомaxe. Кроме пушного зверя охотились на крупнокопытных — тундрового оленя, лесного оленя и лося. К концу XIX в. крупнокопытного зверя также стало заметно меньше. К началу XX в. наиболее ценный пушной зверь во многих местностях практически исчез [Доронин, 1925]. К 1920-м гг. в южных районах Обдорского края наибольший интерес для охотника представляли белка, куница, соболь и лисица. В некоторых местностях промысловое значение имели колонки, горностаи, рысь. Попутно при охоте на перечисленных выше зверей добывали медведя, лося, выдру, норку, хоря, ласку и зайца [ГУТО ГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.].

В 1920-х — начале 1930-х гг. в охотничьих угодьях, тяготевших к с. Кушеват, из пушного зверя промышляли в основном белку, лисицу, горностаю, песца. В охотничьих угодьях, относившихся к с. Мужы, русские и зыряне добывали и сдавали кооператорам шкуры лисиц, песцов, белок, горностаев, росомax, медведей, волков, зайцев, редко выдр и соболей [ГУТО ГАТ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 30, 40]. Водоплавающей дичи еще в 1930–1940-е гг. было так много, что влет ее не били. Стреляли только сидячую, из скрадка. За одну ночь можно было добыть с одного места 10–15 птиц. Били в основном уток. Лебедей не стреляли совсем. Боровую дичь добывали при помощи петель. Самой частой добычей была куропатка. Мест постановки петель у каждого охотника было несколько, соответственно складывался маршрут их посещения — тропа. За один осмотр тропы в хороший год можно было взять 15–20 куропаток. Примерно таким же об-

разом настораживались петли на зайца. За один раз с тропы брали 2–3, реже 4 зверька (записано от В.А. Рочева, с. Мужи).

В п. Лабытнанги, близ Обдорска (Салехарда), в середине 1930-х гг. проживало много зырян. Здешние охотники добывали лисицу, горностаю, песца, зайца, «очень редко» белку. «Много водяной крысы, но промысел последней не развит». Большой удельный вес в добыче местных охотников имела куропатка. Среди водоплавающей птицы промысловое значение имели черныш и гоголь. «Главным местом промыслов» для лабытнангских старожилов «...служит тундра, расположенная около Урала по рр. Хольве и [Подь-Яге] последняя «...» проходит около вершины р. Соби. Охотятся главным образом за песцом и попутно зайцем «...» от Лабытнанг 40–50 километров. Также производится охота по сорам, протокам, берегам Оби (в соровой пойме на удалении 15–20 км к югу и северу от поселения.— С.Т.) главным образом на лисицу, горностаю, зайца» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75. Л. 86–88].

Во второй половине 1920-х гг. в Ямальской тундре начинают появляться профессиональные охотники — промысловики из числа зырян. Самой желанной добычей охотника-тундровика был песец. Способы и сезонность песцовой охоты подчинялись возрастным и сезонным изменениям меха зверя. Песец — это полярная лисица. Южнее полярного круга он встречается только случайно. Живет песец в норах. Нора достигает 5 м в длину и имеет несколько выходов. Молодые песцы появляются на свет в 20-х числах мая. В одном помете щенков бывает от 9 до 12. До конца июня щенки находятся в норах. У промысловиков такие щенки имели характерное название «копанцы». В июле щенки начинают совершать первые вылазки из норы — это «норники». В августе — сентябре щенок назывался «крестовиком» из-за характерного окраса меха. В октябре мех молодого песца приобретает серо-пепельный цвет с синеватым оттенком — «синяк». В ноябре мех делается еще светлее — «недопесок». В декабре песцы белеют и остаются таковыми до марта — это уже настоящий полноценный белый песец — предмет вождления охотника-тундровика. С марта взрослый песец начинает линять. Линька начинается с шеи — «душка». К концу июля процесс линьки превращает «душку» в «дошлого крестовика». Вообще с марта по июль мех у песца пегий и свисает клочьями. Далее с мехом взрослого песца происходят те же метаморфозы, что и с мехом щенка [ГУТО ГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–2 об.]. Охота на песца в тундре делилась на летнюю и зимнюю. Летом основным объектом промысла были «крестовики» и «норники» — щенки. Их промыслили как на шкурки, так и для кормления в целях последующего забоя. Ненцы добывали молодняк с помощью капканов и петель, настороженных возле нор. Зверьков даже ловили руками, подкарауливая, когда они отойдут подальше от норы.

Зыряне привнесли в песцовую охоту элемент интенсивности. Только охотники-зыряне для отлова молодняка применяли три следующих способа. Первый — разрытие норы. Нора раскапывалась при помощи лопаты и из нее извлекались щенки. Вторым «зырянским способом» добычи молодняка было выкуривание песцов из норы дымом. Делалось это следующим образом. Дождавшись благоприятного ветра, охотник разводил огонь из сухой травы в главном ходе норы и в одном из отнорков. Затем при помощи какой-либо ветоши или другого материала дым нагнетался в нору. Причем все выходы из нее предварительно засыпались землей, оставались только два — противоположные задымленным. Перед этими двумя выходами выкапывались ямы с отвесными стенками. В эти ямы и сваливались спасавшиеся от дыма щенки. Взрослые особи, если они преодолевали яму, доставались охотником, стоявшим наготове, из ружья. Еще зыряне ловили молодых песцов, окарауливая их близ выкопанных возле выходов из норы и замаскированных ям. Но последний способ применялся редко, так как был малодобычливым.

Зимой в тундре охотились на взрослого песца. Аборигены в зимней охоте чаще всего применяли различные ловушки: капканы, чирканы и слопцы. С ружьем и собакой на песца охотились очень редко, только в случае, когда он случайно набегал на охотника. Экспедиция В.П. Евладова в 1928 г. выявила на Ямале только пять чумов, где имелись собаки, натасканные идти на песца. Евладов, кстати, заметил, что среди собак самодийских («очень разнокалиберных и разнообразных») не встречается «вислоухих». Таких собак он видел только у остяков и зырян и склонен был объяснить это большей «примесью крови дворняжек».

Зыряне-ижемцы в 1910-х гг. стали применять на Ямале облавную зимнюю охоту на песца. За день делалось от одного до трех загонов. За один загон добывали 3–5 зверей, но бывали случаи, когда попадались от 20 до 30 особей. В исключительно удачные годы на пай приходилось до 10 и более песцов. Однако еще в конце 1920-х гг. облавный промысел песца был развит только в некоторых местностях Южного Ямала [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 161, 77 об.–88 об.].

Отчасти это объяснялось тем, что песца в Северо-Западной Сибири было меньше, чем, например, в Северо-Восточной, где облавный способ охоты применялся в это время и позднее (1935 г.) значительно шире [Архив МАЭ РАН. Ф. К II. Д. 182].

Все приведенные выше способы охоты на песца охотovedы 1930-х гг. признавали в той или иной степени «вредными». Безусловно «вредным» был отлов молодняка. Не меньше вреда приносило раскапывание и окуривание нор. Раскопанные норы забрасывались песцом навсегда, а окуривание не занималось новым выводком около трех лет. А ведь одна нора служила для выведения песцового потомства долгое время [Архив МАЭ РАН. Ф. К II. Д. 182]. Впрочем, в начале 1930-х гг. добыча молодежи «синяка» и «крестовика» уже не велась: сказались запреты и маловыгодность этого промысла [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 69–71].

Результатом интенсификации охотничьего промысла становился перепромысел. «Целый ряд ненцев-охотников (Надымский р-н, 1933 г. — С.Т.) жаловались нам на то, что к тому времени, когда они со своими стадами достигают верховьев Надыма, эта территория бывает уже опромыслена хантами из Сургутского района, уральскими зырянами и русскими охотниками, проникающими в эти места из Сургутского района. Вследствие этого добычливость охотничьего промысла сократилась в 2–3 раза и некоторые виды промысловой фауны близки к исчезновению (дикий олень)» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 69–71].

В Надымской местности охота была возможна круглый год. А зимой охота становилась для большинства местного населения основным занятием: «Время со второй половины ноября, после замора, и до таяния снегов можно считать исключительно охотничьим» [Дмитриев-Садовников, 1917, с. 19]. В тундре охотились на волка и песца, куропатку, в лесу — на медведя, лису, белку. Правда, медведь в низовья Надыма заходил редко, но в среднем течении реки встречался чаще. Здесь же в начале XX в. еще водился дикий олень, представлявший собой некий переходный вид от оленя тундрового к оленю лесному. Летовать он оставался на Надыме. На дикого оленя охотились с ружьем. В тундре к нему подкрадывались, прикрываясь доской в форме тюленя, выкрашенной в белый цвет. Летом оленя окартауливали на берегах рек. К стати еще в 1930-х гг. охотники использовали пистонные ружья и даже «кремневки», но у некоторых встречались и ружья центрального боя [Там же, с. 19–22]. Пушного зверя — песца, горностая добывали с помощью капканов, черканов, слопцов. Ловушки, особенно слопцы, настораживались в огромном количестве. Каждый охотник имел их десятки, а то и сотни [Носилов, 1909, с. 49]. В низовьях Надыма крупного зверя было мало, зато здесь, а также в нижнем течении рр. Шуга и Ныда в изобилии гнездились дикие гуси и другая водоплавающая дичь. Особенно массовые гнездовья находились в рямовых сорах устья р. Ярудея. Из боровой дичи в лесах по берегам Надыма было много куропатки, глухаря и тетерева. В хорошие годы водоплавающая дичь и куропатка добывались сотнями и тысячами на одного охотника [Дмитриев-Садовников, 1917, с. 20]. На некоторых зверей на Надыме не охотились совсем, а брали их только «попутно — случайно». Так, зайца никто не заготавливал на мясо, а шкурка его была малоценной [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 83. Л. 6]. Не охотились специально и на волка, хотя от волков сильно страдали стада оленей. А аборигены предпочитали с волком не связываться: «Объяснение этому находим в поверье туземцев: “Не трогай волка, а то его товарищи шибко отомстят. Волк тоже есть хочет”». Только аборигены-охотники, близко сошедшие с русскими и зырянами, начинали охотиться на волка, но делали это при помощи ружья, что малопродуктивно. Очень немногие охотники использовали в охоте на волка капканы [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 83. Л. 45]. Росомаха была малочисленна и в этой связи особого интереса для охотников не представляла, но если промысловик замечал ее след, обязательно начинал преследование. Росомаху ненавидели за то, что она, в свою очередь, редко проходила мимо зверей, попавших в капкан или слопец, да еще и обязательно разрушала ловушку [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 83. Л. 78].

Охотничий промысел, конечно, во многом зависел от поведенческих особенностей (повадок) того или иного зверя и его «биологического цикла». Охотники-промысловики всегда пристально следили за объектами промысла. В 1928 г. председатель Обдорского райисполкома Ануфриев доносил в Тобольский окружной комитет Севера сведения о поведении песца, собранные от промысловиков: «В зиму 1926/1927 г. песец в большом количестве, особенно осенью 1926 г., шел по берегам реки Оби на юг и в массовом количестве держался всю зиму в районах Кушевата, Мужа. Главная часть песца уходила на юг за пределы Березова, Кондинска, Елизарова» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75].

Иногда промысловые животные вели себя достаточно странно, полностью срывая планы охотников. В Уральской лесотундре (р. Полуй, Собский нацсовет) охотники-зыряне поведали специалистам-охотоведам о «массовом бешенстве песца» зимой 1932–1933 гг.: «Песцы подбегали к чуму, взбирались на него, грызли шкуры, нарты, хорей. Из рота шла кровь. Бросались на собак. Ими убит один песец. В тундре находили несколько штук пропащих песцов. Осенью 1932 г. наблюдалась массовая гибель песца на губе. Песец шел табуном на лед только замерзший, лед проламывался и песец погибал. Паршуков уверяет, что в зиму 1932 и 1933 г. пеструшки в тундре было много (т.е. голод не являлся причиной такого поведения песца. — С.Т.)» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75. Л. 19–20]. По другим наблюдениям, массовый ход песца в октябре 1932 г. на лед Обской губы был вызван тем, что «...осень была дождливая, холодная. Образовалась гололедица. Вода, попавшая в гнезда лемминга, замерзла. В силу гибели лемминга песец двинулся...» к Обской губе «...в массовом количестве. Песец плыл через Обскую губу на острова. Частью песец погибнул на воде, частью на островах» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75. Л. 19–20].

Среди других лесных промыслов были заготовка дровяного (для пароходов) и строевого леса. Дрова заготавливали в лесу и в пойме — «таловые». Кушеватские старожилы в 1930-е гг. рубили дрова рядом с селом, «...преимущественно по протоке Кушеватской. Для заготовки дров использовали валежник и мелкий лес главным образом лиственные породы. Строевой лес для построек самих граждан с. Кушеват берется из обширных лесных пространств, расположенных по горе» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26]. Жители с. Мужы заготавливали дрова для пароходов. Еще в первой половине 1930-х гг. пароходы загружались здесь дровами из расчета дойти без пополнения запасов топлива до низовий Оби и вернуться в Мужы [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 35]. Жители п. Лабытнанги в начале 1930-х гг. лес рубили «преимущественно в северной части от Лабытнангов» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 54 об.]. Дрова здесь заготавливали для себя и для продажи в Обдорске. Но вблизи Лабытнангов лес имелся только дровяной. Поэтому за строевым лесом ездили на р. Собта-Юган — «здесь лиственница была получше» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55].

Немалое количество леса уходило на хозяйственные нужды. По подсчетам лесных специалистов, выполненным в первой половине 1930-х гг., на нужды одного хозяйства на р. Надыме в год уходило около 40 м³ леса. Кроме дров и других потребностей лес шел на строительство жилья и транспортных средств. Так, амортизация домов «...небольших, почти лишенных хозяйственных построек», на Надыме составляла около 40 лет. Амортизация лодки-колданки — 3 года, городоушки — 5 лет, неводника — 6 лет [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 32].

Здесь же в лесных районах края (сс. Мужы, Кушеват) собирали дикоросы (кедровый орех, грибы, ягоды), но промыслового значения эти занятия не имели. Так, в с. Мужы старожилы собирали «масленники», грузди. «До войны» грибов было очень много. Один грибник набирал по восемь ведер «за раз». Из ягод собирали бруснику, чернику, голубику: «Чернику брать трудно — с ведро наберешь. Легко брать бруснику — сразу в горсть». Бруснику брали на «гривах» — холмах, покрытых лесом. На таких холмах растет одна брусника. С гривы брали иногда по семь ведер ягоды. Ездили по ягоду с ночевкой семьями (Записано от Хозяиновой А.Н., Рочева Ф.А., с. Мужы). На Надыме морошку могли собирать в первой половине 1930-х гг. до 50 кг на человека в день, голубику — до 20 кг. Голубику здесь собирали до заморозков, «...мариновали или обращали в повидло». Морошку собирали незрелой. Бруснику и клюкву на Надыме собирали поздней осенью и хранили в свежемороженом виде [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 40 об. 41].

Еще на Надыме произрастали «...употребляемая местным зырянским населением малоценная ягода водяника и редко костяника». Росли в надымских лесах княженика («куманика») «довольно обильно», рябина, черемуха, два вида смородины — красная и черная. Из этих ягод «местное население» особенно охотно собирало смородину. Из грибов в надымской пойме преобладали «обабки» и «масленники». Белый гриб встречался лишь изредка [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 41]. Лабытнангские зыряне в первой половине 1930-х гг. собирали близ поселка бруснику, клюкву, чернику «для своих потребностей» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55].

Таким образом, лес был настоящим богатством для местного жителя. Но леса страдали от пожаров. Обширные пожарища видел по берегам Надыма Н.К. Хондажевский в 1870-е гг. [1879, с. 14]. Скорее всего, это были следы сильного пожара, произошедшего около 1853 г. К такому заключению пришли лесные специалисты Дзякович и Емельянов, которые в 1933–1934 гг. побывали на Надыме в составе экспедиции землеустроителей. Кроме того, они выяснили, что леса на Надыме сильно горели еще дважды. Первый раз около 1883 г. Во время этого пожара

деревья обгорели и валились с вывернутыми из почвы корнями. Во второй раз, в 1918 г., «...было уничтожено все горючее, почва оголена до песка» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 32–38 об.]. Похоже, описанные выше лесные пожары носили характер региональных катастроф. Во всяком случае, около 1853 г. горели леса и в Приуральском районе. «Со слов местных жителей», по р. Сось-Юган в это время выгорели леса на площади в 500 га. В надымских лесных пожарах, между прочим, молва винила ненцев. Якобы таким способом обитатели тундры мстили за притеснения со стороны революционных властей. Однако по этому поводу Дзякович и Емельянов замечали, что даже в 1934 г. революционные преобразования ненцев мало коснулись. Они, как и встарь, преспокойно каслали в отдаленных тундрах [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 18–18 об.]. Лесные пожары были страшны еще и тем, что уничтожался ягель — корм оленей. На недавних пожарищах ягеля подолгу не было совсем. Молодой ягельник, пригодный в пищу оленей, появлялся не сразу. Например, в 1931 г. на р. Куноват молодые ягельные боры (25–35-летней давности пожара) составляли около половины всей площади боров. Особенно широко такие боры распространялись в водоразделе Куновата и Казыма. Боров, выгоревших недавно и лишенных по этой причине ягельников, было немного [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30].

Заметны были не только последствия пожаров, но и следы порубок. Так, в 1934 г. лесные специалисты отметили, что вблизи Лабытнангов и Аксарки лес изрядно прорежен топором дровосека [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 54 об.–73]. Правда, места порубок подвергались элементарной очистке: «Способ очистки мест рубки зырянами — сжигание сучьев на костре» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 67 об.]. Впрочем, в целом лес в этом районе был в хорошем состоянии. Лес здесь тянулся на северо-восток до р. Хоровая, на северо-запад — до Сось-Югана, на запад — до тундры (8 км). Основные породы — лиственница и береза. Деревья были достаточно рослыми. Средняя высота составляла около 5 м, возраст от 80 до 150 лет. Отдельные экземпляры росли уже 200 лет (1933 г.) [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55]. Хуже дела обстояли непосредственно близ Обдорска и в некоторых других местностях, где лес был в значительной степени вырублен уже к первой половине 1930-х гг. Под антропогенным воздействием формировались переотложенные почвы, так называемая пятнистая тундра. Пятнистая тундра получила такое название потому, что растительность (мхи и трава) располагалась островками (пятнами). В результате рубки лесов почвенный слой разрушался и сдувался ветром. Только много времени спустя на песке вновь появлялась растительность, но уже пятнами. Замещение лесов пятнистой тундрой интенсивно шло к первой половине 1930-х гг. в окрестностях Обдорска, окрестностях Нового Порта и в поймах «некоторых речек Обско-Тазовского поселкового совета» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55]. О последней местности землеустроители в 1934 г. писали, что «Безсистемные рубки последних лет, связанные с развитием хозяйственной деятельности района (Тазовский р-н. — С. Т.), привели к полному уничтожению леса в местах, приближенных к населенным пунктам» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 115. Л. 120 об.]. Правда, вряд ли в таком положении дел были повинны местные жители. Скорее всего, так похозяйничали государственные и кооперативные лесозаготовители. Местные жители, напротив, как умели, пытались защитить свои леса от государственных порубок. С этой целью они стремились ввести в заблуждение лесоустроителей, изучавших в 1933 г. вопрос о возможности заготовки дровяного и строевого леса в данном районе для государственных нужд, что неминуемо привело бы к массовым рубкам: «Местное население всеми силами старалось препятствовать, тормозить в отыскании леса, а также запугивали сплавом, что здесь вода не поднимается, а сама река Сось очень быстрая и у вас все изломает, все пропадет напрасно. Заготовление сплавом отговаривали и тормозили найти лес, на что было затрачено много времени и средств, а также при подготовке к сплаву затрачено лишние километры по вывозке» [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 115. Л. 68].

Таким образом, традиционная хозяйственная структура старожильческого населения региона во многом шла за природными условиями. Среди лесных промыслов особенно выделялась охота. Способы и орудия добычи зверя и дичи следовали за особенностями тех или иных промысловых угодий. Охотничий промысел просто невозможен без глубоких знаний о повадках и особенностях жизненного цикла промысловых животных. Необходимы также знания о климате. Все эти обстоятельства приходилось учитывать охотнику. Интенсивная хозяйственная деятельность человека даже в условиях традиционной хозструктуры вела к изменениям природной среды. Экологически безвредных систем природопользования, даже традиционных, история мирового хозяйства не знает. Все хозструктуры в той или иной степени грешат потребитель-

Экологические аспекты традиционных лесных промыслов старожильского (русские, коми)...

ским, а то и напрямую хищническим отношением к природным ресурсам. Впрочем, обдорское традиционное лесопользование, по свидетельству лесных специалистов, в начале 1930-х гг. было вполне щадящим. Зыряне даже практиковали очистку мест порубок. А вот в охотничьем промысле, в частности при добыче песка, самые варварские методы — выкуривание и выкапывание щенков из нор назывались «зырянскими». Это вкупе с другими обстоятельствами привело к тому, что к началу 1930-х гг. оказались сильно подорваны запасы ценного пушного зверя в таежной полосе региона. В тундровой полосе практически исчезла популяция дикого оленя. Правда, не следует забывать, что эти негативные последствия были результатом совместных усилий старожилов и аборигенов, так же как и появление «пятнистой тундры». Рядом со старожильскими населенными пунктами и аборигенными юртами лес исчезал значительно быстрее, нежели в местах незаселенных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГАТ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6; Ф. 695. Оп. 1. Д. 14.
ГА ЯНАО. Ф. 12. ОП. 1. Д. 8, 26, 30, 49, 75, 80, 82, 83, 115.
Архив МАЭ РАН. Ф. К II. Д. 182.

Литература

Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым. Этнографический очерк // ЕТГМ. 1917. С. 121–156.
Доронин Г. Пашня или пушнина? // Северянин. 1925. № 103. С. 3.
Козлов В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблемы. М., 1994. 230 с.
Носилов К. Охотничий промысел на Ямале // Естествознание и география. 1909. № 7. С. 46–59.
Павлов П.Н. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1973. 58 с.
Туров С.В. Промысловая деятельность русского населения Западной Сибири и состояние популяций редких животных края в XVIII — I половине XIX вв. // Вестн. ТюмГУ. История. Тюмень, 1996. Вып. 1. С. 23–28.
Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. М., 1879. Кн. 2. С. 78–109.

Тюменский государственный университет
svtur57@mail.ru

The article investigates the experience of nature management and nature knowledge with old residents (Russians, Komi) in Obdorsk region in the second half of XIX — first third of XX century; the interaction between natural environment and development branches of the regional traditional economic structure, and results of that interaction for landscape and relief systems and biocenoses.

Old residents (Russians, Komi); hunting objects; hunting territory; hunting methods; nature knowledge; wood stocking; collection; changes of natural environment.